

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА И. В. ГЁТЕ ВЕЙМАРСКОГО ПЕРИОДА В БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. А. ШМЫК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены основные этапы и стратегии освоения белорусской культурой творчества И. В. Гёте веймарского периода. На каждом этапе выделены наиболее репрезентативные события, повлиявшие на развитие творческого метода как отдельных художников, так и белорусской культуры в целом. Установлены направления, по которым в тот или иной период происходили знакомство с наследием И. В. Гёте и его рецепция в белорусской культуре. Подчеркивается, что наиболее плодотворными в этом процессе стали вторая половина XX и начало XXI в., когда рецепция творчества И. В. Гёте осуществлялась не только через художественный перевод, но и посредством театрального, музыкального, изобразительного искусства.

Ключевые слова: Иоганн Вольфганг Гёте; немецкая культура; белорусская культура; немецкая литература XVIII в.; диалог культур; культурные контакты; художественный перевод; рецепция.

RECEPTION OF J. W. GOETHE'S WORK OF THE WEIMAR PERIOD IN THE BELARUSIAN CULTURE

Е. А. SHMYK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

We consider the main stages and strategies of assimilation by Belarusian culture of J. W. Goethe's work of the Weimar period. At each stage, we highlight the most representative events that influenced the development of the creative method of individual artists and Belarusian culture as a whole. We highlight the directions in which, at one time or another, there was an acquaintance with the heritage of J. W. Goethe and his reception in the Belarusian culture. We emphasise that the most fruitful in this process were the second half of the 20th century and the beginning of the 21st century, when the reception of J. W. Goethe's work was carried out not only through literary translation, but also through theatrical, musical and visual art.

Keywords: Johann Wolfgang Goethe; German culture; Belarusian culture; German literature of the 18th century; dialogue of cultures; cultural contacts; literary translation; reception.

Введение

Как известно, ни одна национальная культура не может развиваться в вакууме. По утверждению М. М. Бахтина и В. С. Библера, подлинное бытие культуры возможно только «на границе», в постоянном диалоге культур. Более того, уникальность каждой культуры, ее самоидентификация во многом

Образец цитирования:

Шмык ЕА. Рецепция творчества И. В. Гёте веймарского периода в белорусской культуре. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;2:57–67.

For citation:

Shmyk EA. Reception of J. W. Goethe's work of the Weimar period in the Belarusian culture. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;2:57–67. Russian.

Автор:

Екатерина Андреевна Шмык – аспирантка кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Г. В. Синило.

Author:

Ekaterina A. Shmyk, postgraduate student at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications. ekaterina.shmyk@mail.ru

зависят от того, насколько она усвоила и переосмыслила все лучшее, что наработала мировая культура. Одним из уникальных культурных феноменов, освоение которого важно для обогащения любой национальной культуры, является творчество великого немецкого писателя и мыслителя Иоганна Вольфганга Гёте (1749–1832).

Творчество И. В. Гёте глубоко и всесторонне исследовано на родине классика, но по-прежнему продолжает притягивать к себе внимание ученых – литературоведов, философов, культурологов. Изучение его наследия давно вышло за рамки немецкой культуры и породило целое направление в мировой гуманитаристике – гётеведение. Однако в нашей стране творчество И. В. Гёте все еще недостаточно изучено, из-за чего некоторые моменты восприятия немецкого классика белорусской культурой остаются нераскрытыми. Тем не менее в отечественной науке на разных этапах наследие И. В. Гёте анализировалось с различных сторон. В 1960–70-х гг. популяризацией его творчества занимались выдающиеся литературоведы Д. Е. Факторович и Б. П. Мицкевич. Серьезный пласт исследований наследия И. В. Гёте составляют работы германиста Г. В. Синило. Анализу не только поэтики, философско-этических оснований творчества великого немецкого поэта, но и рецепции в нем библейской поэзии и поэтики посвящены ее статьи и главы монографий [1–7], а также обширные разделы учебного пособия «История немецкой литературы XVIII века» [8]. Особый интерес представляет статья Г. В. Синило «Мастацкі космас гётэўскага “Фаўста” і яго перастварэнне па-беларуску» [9–12], в которой анализируется сам «Фауст» и его белорусский перевод, выполненный В. С. Сёмухой.

Повышенное внимание к наследию И. В. Гёте среди белорусских исследователей отмечается на рубеже XX–XXI вв. Именно в это время появляется ряд публикаций, целью которых становится не просто анализ творчества классика по различным направлениям, а исследование восприятия его идей и произведений в белорусской культуре. Множество работ посвящены сравнению и поиску общих типологических черт в творчестве И. В. Гёте и белорусских писателей – В. С. Короткевича (Е. А. Леонова [13]), Я. Купалы (И. Я. Науменко [14], О. А. Лойко [15], Т. С. Супранкова [16]), М. Танка (А. В. Макарова [17]), Я. Коласа (В. А. Выхото [18; 19], Г. Е. Адамович [20]), А. Мицкевича (А. А. Буров [21]) и др. Важной также представляется статья В. Л. Соколовского «Гётэ ў духоўным жыцці Беларусі» [22], в которой охарактеризованы основные этапы восприятия белорусской культурой наследия немецкого поэта. Однако по-прежнему мало работ, посвященных рецепции творчества И. В. Гёте в белорусском театре или живописи. Вместе с тем особый интерес представляет издание текста оперы «Фауст» А. Г. Радзивилла, кроме прочего содержащее статьи В. Скоробогатова, Н. Соболевой [23]. В них подробно рассматривается процесс создания оперы, либретто к которой написал сам И. В. Гёте, а также особенности ее постановки в белорусском театре. Сравнительному анализу «Фауста» И. В. Гёте, его же либретто и оперы А. Г. Радзивилла посвящена статья Т. С. Супранковой [24], которая в последнее время успешно занимается немецкой фаустианой и ее рецепцией в белорусской культуре (см., например, [25–28]).

Тем не менее до сих пор отсутствует целостное исследование рецепции наследия И. В. Гёте веймарского периода (1775–1832) в белорусской культуре. Именно этот период является наиболее продолжительным, сложным по своим идейно-эстетическим исканиям и важным с точки зрения художественных ценностей, созданных великим писателем. После переезда в Веймар И. В. Гёте переживает очень непростую эволюцию: от переосмысления штюрмерского бунтарства он идет к выработке эстетической программы веймарского классицизма, а затем приходит к художественному универсализму, синтезу различных стилей, в сущности, всего, что наработала к этому времени мировая литература (неслучайно именно И. В. Гёте создает термин *die Wellliteratur*). К художественным вершинам творчества И. В. Гёте, немецкой и мировой классики относятся трагедия «Ифигения в Тавриде», лирический цикл «Римские элегии», грандиозный по размаху лирический сборник «Западно-восточный диван», роман-диалогия «Вильгельм Мейстер», многочисленные философские стихотворения и «Фауст», в котором соединяются черты драмы, эпоса, лирики и столь различные стилевые особенности, что он является наиболее яркой репрезентацией гётевского художественного универсализма. Кроме того, в веймарский период И. В. Гёте созданы важные философские, эстетические и естественно-научные работы.

Цель настоящей статьи – выявление основных этапов и стратегий рецепции творчества И. В. Гёте веймарского периода в белорусской культуре. Теоретическая база исследования – концепция диалога культур М. М. Бахтина и В. С. Библера, подход культурно-исторической школы, аксиологический подход. Основные методы исследования – историко-контекстуальный, сравнительно-типологический, контактно-генетический.

Основная часть

Обращение к творчеству И. В. Гёте в белорусской культуре имеет достаточно длительную историю, каждый из этапов которой обусловлен той или иной социокультурной ситуацией. В. Л. Соколовский

приводит следующую периодизацию освоения наследия веймарского классика белорусской культурой: 1) 1860–1900-е гг.; 2) 1910–40-е гг.; 3) 1945–1965 гг.; 4) 1966 г. – 1990-е гг. [22]. В целом можно согласиться с данной периодизацией, ведь в ее основу положены наиболее значимые события как в истории страны, так и в процессе освоения творчества И. В. Гёте белорусским народом. Однако, по мнению автора статьи, у этой классификации есть несколько недостатков. Во-первых, она заканчивается 1999 г. Это логично, ведь именно в указанном году вышла статья В. Л. Соколовского. Вместе с тем освоение наследия веймарской классики не останавливается и продолжается уже в XXI в. Во-вторых, деление на этапы основано преимущественно на обращении переводчиков к творчеству И. В. Гёте. Классификацию стоило бы дополнить примерами рецепции его наследия в других видах искусства, например театре и живописи.

Во вступительной статье к изданию избранных произведений И. В. Гёте в переводе на белорусский язык [29] из серии «Беларускі кнігазбор» Л. П. Борщевский и П. И. Копанев также выделяют несколько этапов в освоении белорусскими переводчиками творчества И. В. Гёте. Сразу следует подчеркнуть, что речь в ней идет только о литературных переводах, какие-либо факты рецепции идей, сюжетов не упоминаются. Рассмотрим эту периодизацию подробнее: 1) конец 1920-х – 1930-е гг. характеризуются первыми попытками перевода произведений И. В. Гёте белорусскими поэтами (Ю. Гаврук, А. Дудар, Ю. Таубин, Е. И. Боричевский, С. И. Лиходзиевский); 2) 1940–50-е гг. ознаменованы появлением и публикацией перевода поэмы «Рейнеке-Лис», выполненного В. Вольским, а также подготовкой переводов нескольких стихотворений И. В. Гёте Н. А. Арсеньевой; 3) конец 1950-х – 1990-е гг. являются наиболее плодотворным, по мнению авторов, этапом освоения наследия веймарского классика белорусской культурой (итоговый вариант перевода В. С. Сёмухой «Фауста» и «Римских элегий», сборник лирики «Спатканне і ростань» (1981) в переводах О. А. Лойко, выполненный Л. П. Борщевским перевод «Страданий юного Вертера»).

Как и в случае с периодизацией Соколовского, здесь все заканчивается 1999 г. (именно в это время выходит сборник избранных произведений И. В. Гёте). Такое разделение удачно с точки зрения рассмотрения эволюции художественного осмысления переводчиками произведений немецкого поэта, но для настоящего исследования оно представляется недостаточно широким. Именно поэтому, взяв за основу классификацию В. Л. Соколовского и дополнив ее, мы можем выделить следующие основные этапы освоения наследия И. В. Гёте и его рецепции в белорусской культуре: 1) первая треть XIX в.; 2) 1860–1910-е гг.; 3) 1920–30-е гг.; 4) 1940–50-е гг.; 5) 1960–80-е гг.; 6) 1990-е гг.; 7) начало 2000-х гг. – настоящее время. Стоит подчеркнуть, что современный этап до этого момента не рассматривался исследователями, хотя именно в XXI в. с новой силой и творческим переосмыслением белорусская культура обращается к творчеству И. В. Гёте.

Первый этап рецепции наследия И. В. Гёте соотносится еще с первой третью XIX в., прежде всего с творчеством А. Мицкевича. Белорусские исследователи не раз отмечали типологические сходства и идейные параллели в произведениях этих двух классиков. Известен факт личного знакомства белорусско-польского и немецкого поэтов. Оно состоялось во время их путешествия с другим уроженцем Беларуси – А. Одынцом, о чем последний подробно рассказал в своих мемуарах. К началу XIX в. относится еще одно важное событие, повлиявшее не только на распространение идей И. В. Гёте в Беларуси, но и на развитие театральной культуры в республике, в первую очередь балетно-оперной традиции. Речь идет о встрече немецкого поэта и уроженца Беларуси А. Г. Радзивилла. Он был первым, кто написал оперу по мотивам «Фауста» (задолго до известного произведения Ш. Гуно). Более того, данное событие примечательно еще и тем, что автором либретто к опере выступил сам И. В. Гёте, ранее отказывавший многим композиторам. Эта встреча стала настолько судьбоносной, что И. В. Гёте написал в своем дневнике 1814 г. следующие строки: «Der Besuch des Fürsten Radziwil erregte gleichfalls eine schwer zu befriedigende Sehnsucht; seine genialische, uns glücklich mit fortreißende Komposition zu “Faust” ließ uns nur entfernt Hoffnung sehen, das seltsame Stück auf das Theater zu bringen»¹ (цит. по [23, с. 5]).

Второй этап рецепции творчества немецкого поэта характеризуется значительным влиянием русской культуры. Все обращения к творчеству И. В. Гёте рассматриваются исключительно в рамках знакомства с литературным наследием, дошедшим на белорусские земли в русских переводах. В. Л. Соколовский подчеркивает, что с 1860-х гг. в Беларуси становится возможным приобретение печатных изданий с переводами произведений И. В. Гёте на русский язык (уже в это время белорусская интеллигенция могла соприкоснуться с идеями великого веймарца, хотя и через влияние русской культуры). К данному этапу относятся и первые попытки знакомства белорусских поэтов с произведениями

¹ *Визит князя Радзивилла вызвал тяжело утолимую тоску; его гениальная порывистая композиция к «Фаусту» зародила в нас еще отдаленную надежду на постановку этого необычайного произведения в театре (здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Е. Ш.).*

И. В. Гёте в оригинале. Так, А. Абухович, прекрасно знавший несколько иностранных языков, читал в оригинале произведения немецких писателей и даже пробовал переводить отрывки из «Фауста» на белорусский язык, однако большая часть поэтического и переводческого наследия А. Абуховича была уничтожена во времена советской власти, поэтому и его перевод «Фауста» не сохранился.

В конце XIX – начале XX в. активную работу по распространению на белорусских землях идей И. В. Гёте проводят различные художественные объединения: театральные, литературные товарищества. Особое значение в этом процессе имеет деятельность Минского общества любителей изящных искусств (с 14 августа 1905 г. – Минское литературно-артистическое общество). Данное объединение состояло из двух основных секций – литературной и драматической. По этому поводу В. Л. Соколовский в книге «Пара станаўлення: вопыт параўнальнага вывучэння беларускай і некаторых класічных зарубешных літаратур» пишет: «Драматычная секцыя рыхтавала пастаноўкі сцэн з опер “Фаўст” і “Вагнер”, арганізоўвала канцэрты, на якіх шмат разоў гучалі песні Ф. Шуберта, Р. Шумана, музыка Л. Бетховена, ары з опер Гуно і Маснэ на словы Гётэ» [30, с. 85–86].

Первое десятилетие XX в. также ознаменовано новыми фактами рецепции творчества И. В. Гёте в белорусской культуре. В это время особый интерес к наследию классика начинают проявлять титаны белорусского национального возрождения рубежа XIX–XX вв. – М. Богданович, Я. Купала, Я. Колас. В поисках своего собственного пути белорусские поэты обращаются к творчеству веймарцев. В нем они не только черпают вдохновение и материалы для переводов, но и находят те образцы общечеловеческого, которые впоследствии перенимают и переосмысливают уже в рамках национальной культуры. В 1967 г. И. Я. Науменко издает книгу «Янка Купала. Духоўны воблік героя», на страницах которой едва ли не впервые звучат идеи о параллелях между поэмами «Адвечная песня», «Сон на кургане» и «Фаустом» И. В. Гёте. Здесь сравниваются образы Мефистофеля и Черного, в которых обнаруживается ряд сходств, сцены «Вальпургиевой ночи» и «На замчышчы». Автор подчеркивает: «Ствараючы свае драматызаваныя паэмы, Купала ішоў ад “высокіх” пачуццяў, ад узораў класічных трагедый, якімі з’яўляюцца, напрыклад, “Гамлет” Шэкспіра і “Фаўст” Гётэ» [14, с. 65]. Вслед за И. Я. Науменко параллели в творчестве Я. Купала и И. В. Гёте анализирует О. А. Лойко, который соглашается с мнением предшественников о том, что в сценах разгула нечистых сил над заснувшим Самим действительно угадывается атмосфера гётевской Вальпургиевой ночи. Упоминает он и о сходстве образов Черного и Мефистофеля. Более того, исследователь идет дальше и проводит жанрово-стилевые параллели между поэмами «Яна і я» и «Герман и Доротей»: «Развіваючы традыцыі пастаралі, паэма стала па сутнасці ў шэраг класічных твораў сусветнай літаратуры, такіх як “Працы і дні” Гесіёда, “Герман і Даратэя” Гётэ» [15, с. 179]. В отечественной науке конца XX – начала XXI в. появляется больше работ, посвященных анализу типологических сходжений между произведениями И. В. Гёте и Я. Коласа. Интерес представляют статьи В. А. Выхото, в которых рассматриваются параллели между поэмой «Новая земля» и произведениями И. В. Гёте. К примеру, анализу подвергаются образы *слова, жарт, натура, хваля*.

Также следует отметить, что второй этап рецепции наследия И. В. Гёте стал одним из самых плодотворных в плане усвоения белорусскими художниками идей, транслируемых в произведениях немецкого гения. Подводя итог, В. Л. Соколовский пишет: «Для адных (інтэлігенцыі) яны [творы] спрыялі выхаванню густаў, пашырэнню даляглядаў, вучылі разумець жыццё, для іншых (пісьменнікаў, дзеячаў культуры) дапамагалі ўваходзіць у шырокі свет новых тэм, жанраў, стылёвых напрамкаў і літаратурных плыняў» [22, с. 33].

Третий этап характеризуется появлением первых художественных переводов, которые дошли до наших дней. Л. П. Борщевский и П. И. Копанев первопроходцем в этом деле считают Ю. Гаврука, который опубликовал несколько стихотворений И. В. Гёте в собственном переводе в сборнике «Кветкі з чужых палёў» (1928). Примечательно, что одно из первых произведений, к которому обращается белорусский поэт, – наиболее известное гётевское стихотворение «Ночная песня странника II» («Wandrer’s Nachtlied II», 1776), написанное в самом начале веймарского периода (в белорусском варианте звучит как «Песня падарожнага», в более поздней редакции – «Начная песня вандроўніка»). Позже к нему будут обращаться также Н. А. Арсеньева, О. А. Лойко, Л. П. Борщевский. Это небольшое стихотворение становится предметом изучения многих исследователей. Особый смысл скрывается в финальных строках: *Warte nur, balde / Ruhest du auch*² [31, S. 99]. Едва ли речь в них идет об обычном отдыхе. Более вероятно, что И. В. Гёте подразумевает особый покой, успокоение после смерти. Перевод Ю. Гаврука был первым и самым фатальным из всех белорусских переводов. Финальные строки у него звучат очень пессимистично: *Скора сам заначуеш / І не прачнешся* [32, с. 42]. Кроме Ю. Гаврука, в этот период к творчеству И. В. Гёте обращаются Ю. Таубин, А. Дудар, А. А. Зарицкий, Е. И. Боричевский. Важным

²Пачакай толькі, хутка / Адпачнеш [супакоішся] ты таксама.

событием данного этапа является попытка А. Дударя перевести «Фауста» на белорусский язык. В 1932 г. в газете «Польмя рэвалюцыі» опубликованы некоторые отрывки, дошедшие и до наших дней. Выбор сцен для перевода во многом был обусловлен политическими и социальными реалиями того времени.

Помимо этого, третий этап освоения наследия И. В. Гёте ознаменован важной датой: в 1932 г. весь мир вспоминал немецкого гения в связи с 100-й годовщиной со дня его смерти. Так, 22 марта 1932 г. состоялось торжественное заседание, участие в котором приняли Институт литературы и искусства АН БССР и белорусские писатели. На нем прозвучал доклад Е. И. Боричевского «Гётэ і ягоны «Фаўст»», в котором была предпринята попытка анализа текста произведения, образов главных героев. Наиболее показательна ограниченность подхода того времени к анализу творчества И. В. Гёте отражена в финальных словах доклада: «У выніку гэтага юбілею мы павінны высветліць, у чым Гётэ вялікі і геніяльны і ў чым выявілася яго класавая абмежаванасць і філістарства, што пралетарыят можа і павінен прыняць у Гётэ і ў чым ад яго адштурхнуцца» [33, с. 153]. Рецепция творчества И. В. Гёте в советский период была в значительной степени обусловлена положением Ф. Энгельса о двойственном, «спорном» характере творчества поэта.

Вместе с тем 1920-е гг. ознаменованы новым этапом интереса к наследию И. В. Гёте белорусских театральных деятелей. В связи с этим важное значение приобретает перевод Ю. Н. Дрейзиным на белорусский язык либретто оперы «Фауст» Ш. Гуно. Безусловно, в либретто к «Фаусту» А. Г. Радзивилла немецкий классик присутствует намного ярче, но сам факт интереса к опере, вдохновленной им, свидетельствует о новом этапе восприятия белорусской театральной культурой мирового наследия. Освоение белорусским театром наследия И. В. Гёте происходило постепенно. Сперва в 1926 г. М. Гаев ставит балет, частью которого становится «Вальпургиева ночь». Развитие балетного и оперного искусства, по мнению историка белорусского театра В. И. Нефёда, было неразрывно связано с обращением к эпизодам из «Фауста». Таким образом, идеи И. В. Гёте могли перерабатываться и воплощаться не только в белорусской литературе, но и в театре, тем самым вдохновляя белорусских деятелей театрального искусства на создание собственных репрезентаций гётевских образов на сцене. В новом театральном сезоне в Первом Белорусском государственном театре (ныне – Национальный академический театр имени Я. Купалы) была представлена опера «Фауст» под руководством В. А. Цветкова и А. П. Бонаича, а в 1927 г. радиоверсия оперы стала доступна широкому кругу слушателей. Это событие настолько прочно вошло в историю белорусского театра, что значимость его не единожды подчеркивалась: «Пастаноўка оперы «Фаўст»... з'явілася прынцыпова важным момантам у развіцці нацыянальнай оперы, стала падзей музыканага жыцця нашай рэспублікі і паказала, што беларускае вакальна-операе мастацтва трывала замацавалася на прафесійнай платформе» [34, с. 53]. В 1928 г. создается еще одна постановка на белорусском языке на сцене Белорусского музыкального техникума под руководством дирижера А. Л. Бессмертного. Е. И. Боричевский продолжает свои исследования уже в русле театрального искусства: в 1932 г. в газете «Мастацтва і рэвалюцыя» (№ 1) выходит его статья «Гётэ і тэатр». Важным аспектом здесь становится обращение не только к И. В. Гёте как автору «Фауста», но и к его деятельности в созданном им Веймарском театре.

Четвертый этап является одним из самых коротких и наименее насыщенных событиями. Его начало ознаменовано созданием В. Вольским белорусского перевода «Рейнеке-Лиса». В 1940 г. он выходит отдельным изданием, которое также представляет интерес в силу использования оригинальных иллюстраций В. Каульбаха, преисполненных юмора и написанных в духе произведения. Сам перевод широкой известности не приобрел и позиционировался преимущественно как литература для детей. После 1940 г. он не переиздавался и не был включен в сборники избранных произведений И. В. Гёте, выходившие в Беларуси позднее. В годы Великой Отечественной войны к творчеству И. В. Гёте обращается Н. А. Арсеньева. Она переводит несколько стихотворений, среди которых особенно выделяются «Начная песня вандроўніка», «Лясун», «Марская ціша». Особое внимание творчество поэтессы привлекает с точки зрения некоторых параллелей с идеями немецкого классика, например использования в поэзии символики желтого и голубого цветов. Это одно из наиболее упоминаемых ею сочетаний, в то время как сам И. В. Гёте предлагал считать желтый и синий главными цветами.

В процесс освоения творческого наследия немецкого поэта в годы советской власти, к сожалению, вмешивались и внешние факторы. Репрессии деятелей белорусской культуры, вынужденная эмиграция, жесткие социалистические доктрины в разной степени влияли на рецепцию творчества И. В. Гёте и тормозили вплетение идей веймарского классика в канву национальной культуры и литературы Беларуси. Но было в этот период и несколько значимых дат, празднование которых ознаменовало новый виток интереса к немецкому поэту. Речь идет о 200-летию со дня рождения И. В. Гёте (1949) и 125-летию со дня его смерти (1957). Ю. Гаврук переводит балладу «Erlkönig» и публикует ее под названием «Альховы кароль», что абсолютно точно передает смысл заглавия. В 1950 г. знаковым событием

в театральной жизни Беларуси стала новая постановка на сцене оперы «Фауст». На этот раз к ней приложила руку сама Т. М. Коломийцева – единственная женщина-дирижер в БССР. Режиссером выступил В. М. Шахрай, балетмейстером – К. А. Муллер.

Пятый этап предложенной периодизации примечателен переломным моментом: с 1966 г. В. С. Сёмуха начинает публиковать отрывки из «Фауста» в собственном переводе. Десять лет ушло на то, чтобы подготовить первое полноценное издание двух частей, вышедшее в 1976 г. Это событие, по оценкам многих литераторов и исследователей, стало подтверждением зрелости белорусской национальной литературы и ее переводческой школы. Переоценить данный перевод будет сложно. Его значимость для белорусской культуры подчеркивают многие писатели. Редактор перевода А. А. Зарицкий во вступительной статье к изданию пишет: «Геніяльны Гётэ з новай сілай загучаў на беларускай мове. Можна з упэўненасцю сказаць, што беларускі “Фаўст” зойме належнае месца сярод іншых перакладаў на мовы народаў свету» [35, с. 11]. Стоит упомянуть и статью В. С. Короткевича «І наш “Фаўст”» (1978), по своей сути представляющую собой рецензию на перевод В. С. Сёмухи. В ней автор не просто воспевае гениальность перевода на белорусский язык, куда более важно отношение самого писателя к И. В. Гёте. И здесь же звучат слова: «Я рызыкну сказаць, што пераклад такой рэчы – адзнака сталасці літаратуры, адзнака таго, што плынь яе нястрымная» [36, с. 165]. Эта статья не просто ода белорусскому переводу «Фауста», а ода белорусскому И. В. Гёте. Как итог всей работы, проделанной В. С. Сёмухой во время перевода «Фауста», звучат следующие слова В. С. Короткевича: «Перакладчык дасягнуў дзіўнага: з намi гаворыць вялікі германец, але адначасова гэта гаворыць беларус, што выказвае думкі Гётэ, як выказваў бы іх ён, але па-беларуску» [36, с. 167].

Е. А. Леонова в статье «Прысутнасць Гётэ ў творах Караткевіча» [13] акцентирует внимание на значительном влиянии немецкого классика на творчество белорусского писателя. При этом речь идет не только о типологических схождениях или параллелях, но и о философском и жанровом влиянии произведений И. В. Гёте на В. С. Короткевича. Например, глава «Чорная імша» из романа «Хрыстос прыямліўся ў Гародні» сравнивается с «Вальпургиевой ночью» из «Фауста». Более того, одним из эпиграфов к этой главе писатель выбирает строки из «Фауста»: *Там, сярод высокіх гор, / Чвалам прэ вядзьмарскі хор*³ [37, с. 263]. Вместе с тем в статье анализируется лишь несколько примеров, в то время как факты рецепции идей И. В. Гёте в творчестве белорусского писателя основательно так и не были изучены.

Изобразительное искусство этого периода также проникается идеями И. В. Гёте и его фаустовским духом. К публикации белорусского перевода «Фауста» приурочено создание белорусским художником А. М. Кашкуревичем серии графических иллюстраций, которые в 1984 г. вышли отдельным изданием. Текст к нему написан В. С. Короткевичем и Н. И. Гончаровым и опубликован на трех языках (белорусском, русском и немецком). Всего художник создал 18 иллюстраций (как в свое время и Э. Делакруа, работы которого были по достоинству оценены не только общественностью, но и самим И. В. Гёте). Они разделены на шесть триптихов, каждая сцена сопровождается отрывком из белорусского перевода «Фауста». Иллюстрации выполнены графиком в черно-белых тонах. Цветовое решение в определенном смысле схоже с первыми работами Э. Делакруа. А вот с иллюстрациями к русскому переводу, выполненными А. Г. Трауготом и В. Г. Трауготом, их роднит жанр: первые также выполнены графически, но с большим использованием цвета.

В работах А. М. Кашкуревича нашли отражение идеалы античной красоты, что особенно угадывается в фигурах Фауста, Елены, ангела. Статность, изящество, подтянутость, утонченность – всем этим преисполнены образы героев. В то же время образ Мефистофеля как будто навеян традиционными представлениями о демонических сущностях в христианстве. Если Мефистофель И. В. Гёте (как и В. С. Сёмухи) представляется интересным персонажем, который перетягивает на себя все внимание читателя, то первое чувство, возникающее при взгляде на иллюстрации, – отторжение. Он лысый, толстый, с хитрым выражением лица.

Фауст наиболее часто изображается белорусским графиком. Он притягателен как для художника, так и для зрителя. Более того, А. М. Кашкуревич привносит в образ Фауста одну значительную деталь – большие очки. По замечанию самого художника, он сделал это намеренно, чтобы еще раз подчеркнуть ученость героя. Характерной чертой серии иллюстраций является вкрапление современных реалий в мир «Фауста». В первую очередь речь идет об использовании изображений машин. Яркий пример – «Хор ведзьмаў»: изображая Вальпургиеву ночь, художник в качестве «транспортного средства» ведьмы выбирает обычное колесо машины. Еще одна картина, относящаяся к этому же эпизоду, напоминает изображение свалки: разбитые машины, колеса, бутылки, черепа, а рядом с ними – обнаженные люди.

³Перевод В. С. Сёмухи.

Следующий эпизод являет нам Мефистофеля, восседающего на куче доспехов и гильз, сверху виднеется белый флаг. И рядом с этой картиной вторая: Мефистофель в доспехах и на лошади как будто ведет кого-то (людей, войско) вперед, за ним в небе виднеются самолеты. Обе картины демонстрируют некоторое сходство с известнейшей картиной Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ» (1830). Расположение фигуры главного героя, флага, общая экспозиция и дух картин – все это наталкивает на мысль о том, что белорусский график намеренно в своей иллюстрации делает отсылку к картине французского художника. Существенная разница в изображении женских фигур может быть прослежена на примере трех персонажей – Елены, Маргариты и ведьмы. Елена – чистый образец античного искусства. Она безлика, но образ ее утончен, хрупок. В Маргарите и вовсе угадываются славянские черты. Возможно, это было сделано намеренно, чтобы придать белорусский национальный колорит образу героини. Ведьма вульгарна и похотлива, это выдают поза и выражение лица. Но вместе с тем очертания ее довольно женственны.

Следовательно, А. М. Кашкуревичу удалось создать образы, отличающиеся от созданных ранее в иллюстрациях к «Фаусту» в различных культурах. Несмотря на простоту линий, его образы преисполнены внутреннего смысла, который можно постичь только в тесной связи с белорусским переводом «Фауста». Более того, работа над иллюстрациями так вдохновила художника, что позже некоторые идеи, зародившиеся в синтезе с произведением И. В. Гёте, он воплотил в других работах, например в иллюстрациях к «Хатынской аповесці» А. Адамовича.

Благодаря О. А. Лойко в белорусскую литературу плотно входит лирика И. В. Гёте. К рассматриваемому периоду относится первый сборник переводов «Спатканне і ростань» (1981). На тот момент это было самое обширное издание переводов лирики И. В. Гёте на белорусский язык. Значимость для исследования представляет и вступительная статья самого переводчика. В ней он раскрывает причины своего обращения к наследию И. В. Гёте и результаты, которых стремится достичь, говорит о том, что именно для него поэзия И. В. Гёте – не просто выдающиеся образцы мировой классики, а в первую очередь общечеловеческие и авторские идеи, понимание специфики диалога между Востоком и Западом.

В 1972 г. на белорусской сцене появляется третья трактовка оперы «Фауст», режиссером которой выступил С. А. Штейн, балетмейстером – С. В. Дречин, дирижером – И. С. Абрамис, художником – Е. И. Ждан. Эта интерпретация великого произведения возымела успех среди зрителей и продержалась в репертуаре Большого академического театра оперы и балета до 1990-х гг.

Шестой этап – последнее десятилетие XX в. – примечателен не только появлением новых переводов (к примеру, Л. П. Борщевский переводит на белорусский язык «Пакуты маладога Вертэра»), но и значительными событиями в немецко-белорусском культурном диалоге. Немалую роль в этом сыграли наследие И. В. Гёте и его переосмысление в рамках белорусской культуры. Прежде всего отметим издание сразу нескольких сборников белорусских переводов произведений И. В. Гёте в сериях «Скарбы сусветнай літаратуры» (1991), «Школьная бібліятэка» (1993) и «Беларускі кнігазбор» (1999). В них собраны переводы не только лирики, но и драматических произведений. Благодаря набирающей обороты деятельности Института имени И. В. Гёте в Минске начинают проводиться различные мероприятия, особое место среди которых занимает празднование 250-летия со дня рождения немецкого поэта. Эта дата стала знаковой и для научного сообщества Беларуси: в апреле 1999 г. состоялась научно-художественная встреча «Белорусско-немецкие культурные взаимосвязи», второе отделение которой называлось «Гёте и Беларусь». В ходе его работы были заслушаны доклады В. Л. Соколовского, Х. Фрешле, А. И. Мальдиса, А. М. Кашкуревича, которые обобщили опыт освоения гётевского наследия белорусской культурой.

Следует сказать, что 1999 г. стал знаковым и для театральной культуры Беларуси. Именно в этом году на сцене белорусского театра впервые была поставлена опера «Фауст» А. Г. Радзивилла. Либретто, написанное в оригинале самим И. В. Гёте, на белорусский язык перевел В. С. Сёмуха. Но этому предшествовало еще несколько эпизодов в музыкально-театральной жизни Беларуси. Для начала отметим, что белорусский след оперы А. Г. Радзивилла тесно связан с еще одним деятелем нашей истории – С. Манюшко. Именно он после возвращения на родину в 1844 г. опубликовал в виленском музыкальном издательстве Ю. Завадского некоторые номера «Фауста» в своей клавишной редакции. Значительно позже (только в 1995 г.) благодаря деятельности творческого коллектива «Беларуская капэла» в нашей стране появились копии клавира и партитуры «Фауста» 1835 г. (изданы в Берлине). Постановке «Фауста» на сцене Большого академического театра оперы и балета предшествовала и значительная работа А. Б. Корженевской, которая отредактировала изначальную оперу: количество актов выросло до трех, в то время как музыкальная часть была сокращена.

Финальный этап, не рассматривавшийся ранее исследователями, приходится на 2000–2020-е гг. В целом этот период характеризуется упадком интереса к творчеству И. В. Гёте среди переводчиков,

но научные исследования (в том числе параллелей с творчеством белорусских писателей) продолжают. В 2004 г. выходит антология переводов О. А. Лойко «Маланкай жагнаныя», в которой собраны переводы лирики И. В. Гёте. Практически все они взяты из предыдущего сборника «Спатканне і рос-тань». О. А. Лойко первым из белорусских переводчиков обращается к «Западно-восточному дивану» И. В. Гёте и подробно анализирует диалог культур Востока и Запада, отраженный в нем. В 2016 г. вы-ходят еще два сборника. Первый из них полностью посвящен И. В. Гёте и становится частью новой серии «Паэты планеты», второй – это антология переводов Л. П. Борщевского «І боль, і прыгажосць...».

Театральная жизнь также обращается к классике: в 2020 г. на сцене Большого театра Беларуси в оче-редной раз состоялась премьера оперы «Фауст» Ш. Гуно в авторской обработке режиссера А. Д. Мо-торной. По ее задумке, действие переносится в Германию 1935–1945 гг. и представляет собой путеше-ствие сквозь эпохи. При этом постановка максимально приближена к современному зрителю: здесь и компьютеры (у самого Фауста), и проекции, которые помогают воссоздать пространство сцены и сде-лать его более интерактивным. Несмотря на то что в 1920-х гг. уже был выполнен перевод либретто на белорусский язык, вся опера исполняется на французском языке с русскими субтитрами. По мнению А. Д. Моторной, опера Ш. Гуно куда более удачно выражает идеи «Фауста», чем это было сделано И. В. Гёте, ведь музыка вечна и понятна без слов. С этим мнением, разумеется, можно поспорить, но сама по себе постановка представляет интерес с точки зрения анализа интерпретации режиссером ос-новных эпизодов «Фауста» и их переплетения с реалиями немецкой истории XX в. Интересно, что за стремлением обогатить внешнюю форму оперы множеством костюмов, декораций и художественных решений идейно-сюжетная составляющая отодвигается на второй план: «Фауст» превращается едва ли не в историю несчастной любви, а главный герой теряет свой страждущий познания характер. Не способствует восприятию и французский язык: для того чтобы понимать все происходящее на сцене, приходится постоянно отвлекаться на субтитры.

Еще одним проектом, позволившим косвенно соприкоснуться с «Фаустом» И. В. Гёте, стал по-каз фильма «Фауст» (1926) Ф. В. Мурнау с живым музыкальным сопровождением группы *Five-storey ensemble*. Музыка к нему написал белорусский композитор О. С. Подгайская.

Однако, несмотря на все достижения, крайне актуальной является необходимость интерпретации собственно гётевского «Фауста» на сцене драматического театра, ведь он написан как драма и не раз ставился в Веймарском театре и на других театральных сценах мира, а также экранизировался (особен-но примечательно прочтение А. Н. Сокурова). Все это еще предстоит сделать белорусскому искусству.

Заключение

Таким образом, творчество И. В. Гёте постигалось белорусской культурой постепенно, с переры-вами, неравномерно, что практически всегда было обусловлено той или иной социокультурной ситуа-цией. Особый интерес к наследию немецкого классика отмечается в трудные времена, когда внешняя несвобода порождала небывалый всплеск национального самосознания и понимания белорусами цен-ности внутренней свободы и человечности. Веймарский классицизм, воспевавший свободную и пре-красную личность, находит свое отражение в белорусском искусстве и литературе.

Наиболее яркими и плодотворными этапами освоения наследия И. В. Гёте могут считаться рубеж XIX–XX вв. и вторая половина XX в. Впервые в начале XX в. произведения немецкого классика вы-зывают интерес у белорусской интеллигенции не только с точки зрения их художественной ценности. Белорусские писатели начинают переосмысливать сюжеты и идеи И. В. Гёте в своих произведени-ях, в результате чего рождаются шедевры не только национальной, но и мировой литературы (поэмы Я. Коласа и Я. Купалы, статьи М. Богдановича). Памятные даты, которые праздновались в это время, способствовали появлению исследований творчества И. В. Гёте (Е. И. Боричевский), хотя и обуслов-ленных реалиями советского периода. Тем не менее это были первые попытки научного, критического осмысления произведений немецкого поэта, которые позже станут одной из важнейших стратегий ос-воения наследия И. В. Гёте наравне с художественными переводами и осмыслением в рамках театраль-ного искусства.

Вторая половина XX в. является для белорусской культуры важным этапом, который характеризу-ется расцветом национальной культуры. Именно в это время с новой силой активизируется интерес к лирическому и драматическому наследию И. В. Гёте, которое переосмысливается в рамках бело-русской переводческой школы. Впервые по-белорусски в полном объеме звучит «Фауст», создается существенный пласт переводов лирики И. В. Гёте. Обогащение национальной литературы привело к росту интереса в театральной сфере, благодаря чему появляются несколько авторских переосмысле-ний оперы Ш. Гуно «Фауст». Более того, последнее десятилетие XX в. характеризуется наращиванием

межкультурных контактов между Беларусью и Германией, что порождает новые научные исследования, предметом которых становится не только сам И. В. Гёте и его произведения, но их переосмысление белорусскими писателями.

В целом динамику интереса к наследию веймарского классика можно описать циклической моделью. Наблюдаются периоды спада и повышенного интереса, сопровождающегося появлением новых изданий, постановкой научных исследований. Чаще всего этапы возрождения сопряжены с влиянием внешних факторов, способных пробудить национальное самосознание. Однако круг соприкосновения с творчеством И. В. Гёте все еще остается небольшим: многое не переведено (особенно необходимы целостный перевод «Западно-восточного дивана» и освоение по-белорусски «Вильгельма Мейстера»), философско-эстетические и научные труды и вовсе остались за границами осмысления в нашей культуре.

Библиографические ссылки

1. Синило ГВ. «Ночная песнь странника II» И. В. Гёте в свете жизненных идеалов XVIII века. В: Пахсарьян НТ, редактор. *XVIII век: искусство жить и жизнь искусства*. Москва: МГУ; 2004. с. 355–369.
2. Синило ГВ. Гёте и новое открытие библейской поэзии. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*. 2019;2:63–92.
3. Синило ГВ. Гёте и новое открытие библейской поэзии. Гёте и Песнь Песней. В: *Лирические книги Библии как архитектурные немецкоязычной поэзии XVIII–XX веков*. Минск: РИВШ; 2019. с. 182–225.
4. Синило ГВ. Символ Вечной Женственности в творчестве И. В. Гёте: истоки и смысл. В: Осокин МЮ, Литвиненко НА, составители. *Tigris philologiae: сборник статей о французской литературе (и не только) к юбилею Натальи Пахсарьян*. Осокин МЮ, редактор. Санкт-Петербург: Алетей; 2021. с. 221–239.
5. Сініла ГВ. «Памры і адрадзіся!»: творчы шлях Ёгана Вольфганга Гётэ. Частка 1. *Роднае слова*. 2000;7:23–28.
6. Сініла ГВ. «Памры і адрадзіся!»: творчы шлях Ёгана Вольфганга Гётэ. Частка 2. *Роднае слова*. 2000;8:25–30.
7. Синило ГВ. Гёте и еврейская Библия. В: *Танах и мировая поэзия*. Минск: Экономпресс; 2009. с. 473–555.
8. Синило ГВ. *История немецкой литературы XVIII века*. Минск: БГУ; 2012. 400 с.
9. Крупкіна (Сініла) ГВ. Мастацкі космас гётэўскага «Фаўста» і яго перастварэнне па-беларуску. Частка 1. *Роднае слова*. 2000;7:29–34.
10. Крупкіна (Сініла) ГВ. Мастацкі космас гётэўскага «Фаўста» і яго перастварэнне па-беларуску. Частка 2. *Роднае слова*. 2000;8:31–35.
11. Крупкіна (Сініла) ГВ. Мастацкі космас гётэўскага «Фаўста» і яго перастварэнне па-беларуску. Частка 3. *Роднае слова*. 2000;9:25–28.
12. Крупкіна (Сініла) ГВ. Мастацкі космас гётэўскага «Фаўста» і яго перастварэнне па-беларуску. Частка 4. *Роднае слова*. 2000;10:22–25.
13. Лявонава ЕА. Прысутнасць Гётэ ў творах Караткевіча. *Малодосць*. 2014;7:80–84.
14. Навуменка ІА. *Янка Купала. Духоўны воблік героя*. Бугаёў ДЯ, рэдактар. Мінск: Вышэйшая школа; 1967. 220 с.
15. Лойка АА. *Гісторыя беларускай літаратуры: дакастрычніцкі перыяд. Частка 2*. Мінск: Вышэйшая школа; 1989. 478 с.
16. Супранкова ТС. Тыпалагічныя рысы міфалагізацыі свету ў «Фаўсце» Ё. В. Гётэ і ў творах Я. Купалы. В: Шадурский ВГ, редактор. *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы II Международной конференции, посвященной 87-летию образования Белорусского государственного университета; 30 октября 2008 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Тесей; 2008. с. 219–221.
17. Макарава АВ. «Радасць сустрэчы»: матыў спаткання ў творчасці Ёгана Вольфганга Гётэ, Роберта Бёрна і Максіма Танка. У: Шумчык ФС, рэдактар. *Сёмыя Танкаўскія чытанні: да 95-годдзя Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка; 30 верасня 2009 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДПУ; 2010. с. 104–106.
18. Выхота ВА. *Гендарная праблематыка ў паэме Якуба Коласа «Новая зямля» і ў творах Ё. В. Гётэ, Ф. Шылера, Г. Гейнэ*. Мінск: Энцыклапедыкс; 2002. 31 с.
19. Выхота ВА. «Новая зямля» Я. Коласа: тыпалагічнае супастаўленне з паэзіяй Гётэ. *Кантакты і дыялогі*. 1999;7–8: 14–23.
20. Адамовіч ГЯ. «...Канечны вынік мудрасці людской...» у творах І. В. Гётэ («Кароль Лесавік», «Фаўст») і Якуба Коласа («Сымон-музыка»). У: Камароўская ЗМ, Зайцава ГП, складальнікі. *Каласавіны. Якуб Колас і яго сучаснікі: да вывучэння беларускіх і ініцыяцыянальных літаратурных і культурных узаемасувязей. Матэрыялы XXIV навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю з дня адкрыцця Дзяржаўнага літаратурна-мемарыяльнага музея Якуба Коласа*. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ; 2010. с. 121–128.
21. Бураў АА. «Фаўст» Ё. В. Гётэ і «Дзяды» А. Міцкевіча: спроба параўнальнага аналізу. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2008;6(1):41–46.
22. Сакалоўскі УЛ. Гётэ ў духоўным жыцці Беларусі. В: Соловьева Л, редактор. *Wie geht's? Almanach der Belorussischen Gesellschaft der Deutschen «Wiedergeburt»*. Minsk: Gesellschaft der Deutschen «Wiedergeburt»; 1999. с. 32–37.
23. Трусавая А, Разанавая Г, рэдактары. *Фаўст: опера А. Г. Радзівіла на лібрэта Ё. В. Гётэ*. Мінск: Тэхналогія; 1999. 70 с.
24. Супранкова Т. «Фауст» И. В. Гёте и А. Г. Радзивилла: поэтика и проблематика музыкальной адаптации. *Питання літаратуразнаўства*. 2018;97:118–133.
25. Suprankova T. The Belarusian Faust-concept on the crossroads of epochs and cultures. In: Ratianni I, editor. *Romanticism in literature. On the cross-road of epochs and cultures*. Beau Bassin: Scholars Press; 2018. p. 479–501.
26. Супранкова Т. Фаўсціянскія матывы ў творчасці Максіма Гарэцкага. *Польмя*. 2018;5:127–135.
27. Супранкова ТС. Фаўсціянская парадыгма ў міжкультурным дыялогу: ад міфалагемы да філасофемы. В: Уланович ОИ, редактор. *Гуманитарные технологии в образовании и социосфере*. Минск: Издательский центр БГУ; 2016. с. 236–244.

28. Супранкова ТС. Фаўсціяна ў беларускім рамантычным дыскурсе. В: Усовская ЭА, редактор. *Национальные культуры в межкультурной коммуникации. Часть 2. Национальные формы художественной культуры в процессе межкультурного взаимодействия*. Минск: Колорград; 2016. с. 403–410.

29. Гётэ ЁВ. *Выбраныя творы*. Лойка А, Сёмуха В, Баршчэўскі Л, Гаўрук Ю, Таўбін Ю, перакладчыкі. Мінск: Беларускі кнігазбор; 1999. 635 с.

30. Сакалоўскі УЛ. *Пара станаўлення: вопыт параўнальнага вывучэння беларускай і некаторых класічных зарубажных літаратур*. Мінск: Навука і тэхніка; 1986. 190 с.

31. Goethe JW. *Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand*. Stuttgart: J. G. Cotta'sche Buchhandlung; 1827. 523 S.

32. Гаўрук Ю. *Кветкі з чужых палёў*. Мінск: Маладняк; 1928. 107 с.

33. Барычэўскі Я. Гётэ і ягоны «Фаўст». *Польмя рэвалюцыі*. 1935;10:136–153.

34. Мдывані ТГ, рэдактар. *Музычны тэатр Беларусі, 1917–1959*. Мінск: Навука і тэхніка; 1993. 430 с.

35. Гётэ ЁВ. *Фаўст*. Сёмуха В, перакладчык. Мінск: Мастацкая літаратура; 1976. 430 с.

36. Караткевіч УС. *І наш «Фаўст»*. *Маладосць*. 1978;5:163–169.

37. Караткевіч УС. *Хрыстос прыязмліўся ў Гародні*. Мінск: Беллітфонд; 2000. 491 с.

References

1. Sinilo GV. [«Wandrer's Nachtlied II» by J. W. Goethe in the light of the life ideals of the 18th century]. In: Pakhsar'yan NT, editor. *XVIII vek: iskusstva zhit' i zhizn' iskusstva* [The 18th century: the art of living and the life of art]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2004. p. 355–369. Russian.

2. Sinilo GV. Goethe and a new discovery of Biblical poetry. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2019;2: 63–92. Russian.

3. Sinilo GV. [Goethe and a new discovery of Biblical poetry. Goethe and The Song of Songs]. In: *Liricheskie knigi Biblii kak arkhitektsty nemetskoyazychnoi poezii XVIII–XX vekov* [The lyrical books of the Bible as archetexts of German-language poetry of the 18th–20th centuries]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2019. p. 182–225. Russian.

4. Sinilo GV. [Symbol of Eternal Femininity in the work of J. W. Goethe: origins and meaning]. In: Osokin MYu, Litvinenko NA, compilers. *Tigris philologiae: sbornik statei o frantsuzskoi literature (i ne tol'ko) k yubileyu Natal'i Pakhsar'yan* [Tigris philologiae: a collection of articles about French literature (and not only) for the anniversary of Natalia Pakhsaryan]. Osokin MYu, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2021. p. 221–239. Russian.

5. Sinila GV. [«Die and be reborn!»: the creative path of Johann Wolfgang Goethe. Part 1]. *Rodnae slova*. 2000;7:23–28. Belarusian.

6. Sinila GV. [«Die and be reborn!»: the creative path of Johann Wolfgang Goethe. Part 2]. *Rodnae slova*. 2000;8:25–30. Belarusian.

7. Sinilo GV. [Goethe and the Hebrew Bible]. In: *Tanakh i mirovaya poeziya* [Tanakh and world poetry]. Minsk: Ekonompress; 2009. p. 473–555. Russian.

8. Sinilo GV. *Istoriya nemetskoi literatury XVIII veka* [History of German literature of the 18th century]. Minsk: Belarusian State University; 2012. 400 p. Russian.

9. Krupkina (Sinila) GV. [The artistic space of Goethe's «Faust» and its recreation in Belarusian. Part 1]. *Rodnae slova*. 2000;7: 29–34. Belarusian.

10. Krupkina (Sinila) GV. [The artistic space of Goethe's «Faust» and its recreation in Belarusian. Part 2]. *Rodnae slova*. 2000;8: 31–35. Belarusian.

11. Krupkina (Sinila) GV. [The artistic space of Goethe's «Faust» and its recreation in Belarusian. Part 3]. *Rodnae slova*. 2000;9: 25–28. Belarusian.

12. Krupkina (Sinila) GV. [The artistic space of Goethe's «Faust» and its recreation in Belarusian. Part 4]. *Rodnae slova*. 2000; 10:22–25. Belarusian.

13. Ljavanava EA. [The presence of Goethe in Karatkevich's works]. *Maladosc'*. 2014;7:80–84. Belarusian.

14. Navumenka IJa. *Janka Kupala. Duhowny voblik geroja* [Yanka Kupala. Spiritual appearance of the hero]. Bugajow DJa, editor. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1967. 220 p. Belarusian.

15. Lojka AA. *Gistorija belaruskaj literatury: dakastrychnicki peryjad. Chastka 2* [The history of Belarusian literature: the pre-October period. Part 2]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1989. 478 p. Belarusian.

16. Suprankova TS. [Typological features of the mythologisation of the world in J. W. Goethe's «Faust» and in the works of Ya. Kupala]. In: Shadurskii VG, editor. *Mezhkul'turnaya komunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. Materialy II Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 87-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 30 oktyabrya 2008 g.; Minsk, Belarus'* [Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages. Materials of the 2nd International conference dedicated to the 87th anniversary of the Belarusian State University; 2008 October 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Tesei; 2008. p. 219–221. Belarusian.

17. Makarava AV. [«The joy of meeting»: the motive of a date in the works of Johann Wolfgang Goethe, Robert Burns and Maxim Tank]. In: Shumchik FS, editor. *Sjomyja Tankawskija chytanni: da 95-goddzja Belaruskaga dzjarzhawnaga pedagogichnaga wniversiteta imja M. Tanki; 30 verasnja 2009 g.; Minsk, Belarus'* [The 7th Tank readings: on the 95th anniversary of the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2009 September 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; 2010. p. 104–106. Belarusian.

18. Vyhota VA. *Gendjernaja prablematyka w pajeme Jakuba Kolasa «Novaya zjamlja» i w tvorah Jo. V. Gjojte, F. Shylera, G. Gejnje* [Gender issues in the poem «Novaya zyamlya» by Yakub Kolas and in the works of J. W. Goethe, F. Schiller, H. Heine]. Minsk: Jencyklapedyks; 2002. 31 p. Belarusian.

19. Vyhota VA. [«Novaya zyamlya» by Ya. Kolas: a typological comparison with Goethe's poetry]. *Kantakty i dyjalogi*. 1999; 7–8:14–23. Belarusian.

20. Adamovich GJa. [«...The end result of human wisdom...» in the works of J. W. Goethe («Erlkönig», «Faust») and Yakub Kolas («Simon-musician»)]. In: Kamarowskaja ZM, Zajcava GI, compilers. *Kalasyviny. Jakub Kolas i jago suchasniki: da vyvuchjenja*

belaruskih i inshanacyjanal'nyh litaraturnyh i kul'turnyh uzaemasuvjazej. *Matjeryjaly XXIV navukovaj kanferjencyi, prysvechanej 50-goddzju z dnja adkryccja Dzjarzhawnaga litaraturna-memaryjal'naga muzeja Jakuba Kolasa* [Kolosoviny. Yakub Kolas and his contemporaries: towards the study of Belarusian and foreign literary and cultural interrelations. Materials of the 24th scientific conference dedicated to the 50th anniversary of the opening of the State Literary and Memorial Museum of Yakub Kolas]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2010. p. 121–128. Belarusian.

21. Buraw AA. [«Faust» by J. W. Goethe and «Dzjady» by A. Mickiewicz: an attempt at comparative analysis]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny*. 2008;6(1):41–46. Belarusian.

22. Sakalowski UL. [Goethe in the spiritual life of Belarus]. In: Solov'eva L, editor. *Wie geht's? Almanach der Belorussischen Gesellschaft der Deutschen «Wiedergeburt»*. Minsk: Gesellschaft der Deutschen «Wiedergeburt»; 1999. p. 32–37. Belarusian.

23. Trusava A, Razanova G, editors. *Fawst: opera A. G. Radzivila na libretje Jo. V. Gjojje* [Faust: opera by A. G. Radziwill to a libretto by J. W. Goethe]. Minsk: Tjehnologija; 1999. 70 p. Belarusian.

24. Suprankova T. [«Faust» by J. W. Goethe and A. G. Radziwill: poetics and problems of musical adaptation]. *Pytannja literaturoznavstva*. 2018;97:118–133. Russian.

25. Suprankova T. The Belarusian Faust-concept on the crossroads of epochs and cultures. In: Ratiani I, editor. *Romanticism in literature. On the cross-road of époques and cultures*. Beau Bassin: Scholars Press; 2018. p. 479–501.

26. Suprankova T. Motives of Faust-concept in the works of Maksim Harecki. *Polymja*. 2018;5:127–135. Belarusian.

27. Suprankova TS. [The Faustian paradigm in intercultural dialogue: from mythologeme to philosopheme]. In: Ulanovich OI, editor. *Gumanitarnye tekhnologii v obrazovanii i sotsiosfere* [Humanitarian technologies in education and the sociosphere]. Minsk: Publishing Center of the Belarusian State University; 2016. c. 236–244. Belarusian.

28. Suprankova TS. [Faustiana in the Belarusian romantic discourse]. In: Usovskaya EA, editor. *Natsional'nye kul'tury v mezhkul'turnoi kommunikatsii. Chast' 2. Natsional'nye formy khudozhestvennoi kul'tury v protsesse mezhkul'turnogo vzaimodeistviya* [National cultures in intercultural communication. Part 2. National forms of artistic culture in the process of intercultural interaction]. Minsk: Kolorgrad; 2016. p. 403–410. Belarusian.

29. Goethe JW. *Iybranyja tvory* [Selected works]. Lojka A, Sjomuha V, Barshchjewski L, Gawruk Ju, Tawbin Ju, translators. Minsk: Belaruski knigazbor; 1999. 635 p. Belarusian.

30. Sakalowski UL. *Para stanawlennja: vopyt parawnal'naga vyvuchjennja belaruskaj i nekatoryh klasichnyh zarubezhnyh litatur* [The time of formation: the experience of comparative study of Belarusian and some classical foreign literature]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1986. 190 p. Belarusian.

31. Goethe JW. *Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand*. Stuttgart: J. G. Cotta'sche Buchhandlung; 1827. 523 S.

32. Gawruk Ju. *Kvetki z chuzhyh paljow* [Flowers from other fields]. Minsk: Maladnjak; 1928. 107 p. Belarusian.

33. Barychjewski Ja. [Goethe and his «Faust»]. *Polymja rjevaljucyi*. 1935;10:136–153. Belarusian.

34. Mdyvani TG, editor. *Muzychny tjeatr Belarusi, 1917–1959* [Musical theater of Belarus, 1917–1959]. Minsk: Navuka i tjehnika; 1993. 430 p. Belarusian.

35. Goethe JW. *Fawst* [Faust]. Sjomuha V, translator. Minsk: Mastackaja litaratura; 1976. 430 p. Belarusian.

36. Karatkevich US. [And our «Faust»]. *Maladosc'*. 1978;5:163–169. Belarusian.

37. Karatkevich US. *Hrystos pryzjamliwsja w Garodni* [Christ landed in Garodnya]. Minsk: Bellifond; 2000. 491 p. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 08.07.2021.
Received by editorial board 08.07.2021.